

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342

EDN: FVNUMH

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5

ОПТИМИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ И КРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Максим Григорьевич Егорчев

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

gr.gri2009@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Научная новизна работы заключается в выявлении институционального диссонанса между декларируемыми целями миграционной политики РФ (Концепция 2019–2025 гг.) и практикой их реализации в условиях мультикризисных вызовов, возникших в последние годы (пандемия COVID-19, санкции иных государств в ответ на проведение специальной военной операции). Неэффективность адаптационных механизмов усиливает социально-правовые риски, формируя институциональные ловушки. Цель данной работы – выявление ключевых проблем, препятствующих успешной реализации миграционной политики, а также определение их причин и последствий для государства и общества. *Материалы и методы.* Применены сравнительно-правовой анализ нормативных актов (указов № 274, 580, Концепции миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.), изучение статистических данных Министерства внутренних дел РФ и ООН (2020–2025 гг.); контент-анализ материалов миграционных центров Санкт-Петербурга. *Результаты.* Установлены три системные проблемы: неэффективность языковой и правовой подготовки мигрантов (31,7 % владеют русским языком на базовом уровне, 16,1 % не осознают правовые нормы); отсутствие федеральной системы адаптации, ведущее к изоляции групп мигрантов; неспособность органов МВД оперативно реагировать на кризисы (подтверждено на примере COVID-19), что усугубляет незаконную занятость. *Выходы.* Для преодоления институциональных ловушек доказана необходимость создания единой федеральной программы адаптации мигрантов; усиления международного сотрудничества для обмена данными с правоохранительными органами стран-доноров; интеграции кризисных планов в миграционное законодательство. Реализация предложенных мер минимизирует социальные конфликты и оптимизирует управление миграционными потоками, а также приведет к положительным экономическим изменениям.

Ключевые слова: миграционная политика, мигранты, миграционные проблемы, интеграция, COVID-19

Для цитирования: Егорчев М. Г. Оптимизация миграционной политики Российской Федерации: анализ проблем адаптации и кризисного управления // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 47–58. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5
EDN: FVNUMH

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

OPTIMIZATION OF THE RUSSIAN FEDERATION MIGRATION POLICY: ANALYSIS OF ADAPTATION AND CRISIS MANAGEMENT PROBLEMS

Maxim G. Egorchev

Penza State University, Penza, Russia

gr.gri2009@mail.ru

Abstract. *Background.* The scientific novelty of the work is to identify an institutional dissonance between the declared goals of the migration policy of the Russian Federation (the 2019–2025 Concept) and the practice of their implementation in the context of the multicrisis challenges that have arisen in recent years (the Covid-19 pandemic, sanctions from other states in response to SVO). The study demonstrates how the inefficiency of adaptation mechanisms increases socio-legal risks, forming institutional traps.

The purpose of this work is to identify the key problems that hinder the successful implementation of migration policy, as well as to identify their causes and consequences for the state and society.

Materials and methods. Applied: comparative legal analysis of regulations (Decrees No. 274, 580, the Concept of Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025); statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the United Nations (2020–2025); content analysis of materials from migration centres in St. Petersburg.

Results. Three systemic problems have been identified: inefficiency of language and legal training for migrants (31.7 % speak Russian at a basic level, 16.1 % do not understand legal norms); lack of a federal adaptation system, leading to isolation of migrant groups; inability of the Interior Ministry to respond promptly to crises (confirmed by the example of COVID-19), which exacerbates illegal employment.

Conclusions. In order to overcome institutional traps, it is proved necessary to create a unified federal programme for the adaptation of migrants; strengthening international cooperation for data exchange with law enforcement agencies of donor countries; integration of crisis plans into migration legislation. The implementation of the proposed measures will minimize social conflicts and optimize the management of migration flows, as well as lead to positive economic changes.

Keywords: migration policy, migrants, migration problems, integration, COVID-19

For citation: Egorchev M.G. Optimization of the Russian Federation migration policy: analysis of adaptation and crisis management problems. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State".* 2025;13(4):47–58. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-5

Происходящие в Российской Федерации крупномасштабные и сложно прогнозируемые изменения, катализатором которых выступают глобальные события, приводят к серьезным изменениям в условиях жизни не только граждан, но и проживающих на территории страны лиц иностранного происхождения.

Это обуславливает актуальность вопроса о мерах реализации миграционной политики. Неблагоприятный характер этих метаморфоз, затрагивающих почти все сферы жизни, приводит к нарушению прав граждан Российской Федерации и прибывающих в страну мигрантов. Все это, в свою очередь, влечет последствия в социокультурных и экономических областях, а также приводит к упадку правовой обстановки в государстве, ухудшению качества жизни граждан или нарушению их прав, поддержание которых является одной из приоритетных задач государства.

Необходимо установить виды миграции иностранных лиц и лиц без гражданства, что позволит определить цель их прибытия, а следовательно, и предполагаемое влияние на реализацию миграционной политики.

В первую очередь стоит рассмотреть миграцию по временным периодам, являющимся предположительным сроком миграции.

Первую категорию составляет краткосрочная миграция, временной период которой не превышает год. Она делится на несколько видов:

1. Сезонная миграция, для которой характерна миграция для труда в течение нескольких месяцев, ограниченная одним или несколькими сезонами (сельскохозяйственные работы, часть строительных работ).

2. Туристическая миграция. Используется в культурно-развлекательных целях в течение относительно небольшого периода времени (до 3 месяцев).

3. Трансграничная челночная (циклическая) миграция, характеризующаяся регулярным пересечением границы в учебных и рабочих целях. В зависимости от граничащей страны цели могут различаться. Так, данный тип миграции получил распространение в Приморском крае (14,6 %) и Калининградской области (35,2 %) [1, с. 65].

Ко второй категории относится долгосрочная миграция (не менее 1 года), целью которой чаще всего выступают образование и работа.

В третью категорию включается постоянная миграция.

Вторую группу можно выделить по характеру миграции. К ней можно отнести добровольную, вынужденную (политические преследования, незаконные насильственные действия со стороны государства и пр.) и принудительную (депортация) виды миграции.

Третья группа характеризуется по степени организованности. Выделяют организованную (используются государственные, муниципальные или общественные структуры для упорядочивания миграционных потоков) и стихийную миграцию [2, с. 357–358].

Следует учитывать и характер миграционных причин: учебная, трудовая, туристическая и переселенческая [3, с. 43].

Миграционные потоки в Российскую Федерацию возникают, согласно теории Эверетта С. Ли, по принципу «толчка-притяжения», когда в России есть те условия, которые необходимы мигрантам (притяжение), и они отсутствуют на их родине или же там действует неблагоприятный фактор (толчок), что и побуждает их к миграции [4]. Для учащихся – уровень образования, который они не могут получить в своей стране или он для них слишком дорог. Для рабочих – высокий и легкодоступный уровень заработка относительно их родины, в которой низкая заработная плата и большой уровень безработицы. Для переселенцев – уровень жизни, отсутствие гонений со стороны государства и целый ряд иных причин. Для туристов – новые, яркие впечатления, недоступные в их стране. Однако, как справедливо отмечено в данной теории, на практике подобная упрощенная картина разрушается об институциональные барьеры.

Так, институциональный диссонанс в реализации миграционной политики Российской Федерации характеризуется несоответствием между декларируемыми целями Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. и практикой регулирования в условиях мультикризисных вызовов. Этот разрыв проявляется в системной неэффективности адаптационных механизмов: языковая и правовая подготовка мигрантов не обеспечивает реальной интеграции, что способствует изоляции групп и формированию этнических анклавов. Отсутствие единой федеральной системы адаптации подрывает цели социокультурного включения, ограничиваясь разрозненными региональными инициативами. При этом институциональная неготовность органов МВД РФ к экстремальным ситуациям, ярко проявившаяся во время пандемии COVID-19, усугубляет риски: отсутствие регламентов кризисного управления привело к стихийным лагерям мигрантов, массовой потере занятости и росту нелегального труда, несмотря на временные либерализационные меры. Данный диссонанс формирует институциональные ловушки В. М. Полтеровича, где воспроизведение неэффективных практик

(формальное тестирование языка, истории и права, отсутствие превентивных мер регулирования ЧС) усиливает социально-правовые угрозы и блокирует достижение стратегических целей политики.

Масштабы можно оценить с помощью статистики, собранной исполнительным комитетом СНГ по сведениям МВД РФ. Согласно данным с указанного информационного ресурса со ссылкой на Государственную информационную систему миграционного учета, в 2020 г. на территорию Российской Федерации прибыло 5,8 млн иностранных граждан, что ниже показателя за 2019 г., по их же сведениям, на 70 %¹. Учитывая актуальные показатели с данного информационного ресурса за 2023 г. (12 млн человек) и данные 2019 г. (19,3 млн человек), при сравнении можно выделить – миграционные потоки уменьшились почти в 1,6 раза за 4 года.

Рассмотреть один из подобных факторов возможно на мигрантах-рабочих, прибывших в Российскую Федерацию на заработки. Мигранты редко обладают необходимыми и востребованными навыками для высокооплачиваемой работы, такими как знания в сфере ИТ или медицины. Те же лица, которые обладают ими и могут претендовать на статус «высококвалифицированных специалистов», предпочитают более высокооплачиваемые страны относительно России [5, с. 98–99]. Тем самым мигранты, согласно теории сегментированного рынка Пиоре, концентрируются во вторичном сегменте, для которого характерны низкая заработная плата, отсутствие стабильности и карьерных перспектив [6, с. 26, 35–39]. Их главная цель – высокий уровень заработной платы – недостижима, а уровень жизни часто оказывается ниже, чем на родине.

Так, статистические данные проведенного АО «Эксперт РА» анонимного опроса региональных представителей власти выявили несколько основных сфер деятельности мигрантов по регионам.

По мнению 94 % регионов, на первом месте находится строительная сфера, являющаяся сезонной. В данной сфере учитываются как высококвалифицированные специалисты, так и разнорабочие. Второе место, как отметили почти половина регионов, принадлежит торговле. Третье место делится между сельским хозяйством и обрабатывающими производствами, которые были отнесены к ведущим отраслям для трудоустройства мигрантов в трети регионов². Часть представленных сфер занятости являются опасными для здоровья, требуют стрессоустойчивости и характеризуются высоким объемом труда, что делает их малопопулярными среди местного населения, а также большим количеством вакансий и необходимостью работодателям искать альтернативные методы привлечения сотрудников, согласных на сложные условия труда. Однако важно уточнить, что с учетом анонимности данных полученные результаты не могут быть экстраполированы на всю Россию, так как отражают мнение неизвестной группы регионов.

Российское предпринимательство оказывает активную поддержку миграционным процессам, обеспечивая себя тем самым более дешевой и менее требовательной, по сравнению с местными жителями, рабочей силой, что является дешевой альтернативой найму и обучению местного населения [7, с. 18]. Таким образом занимаются рабочие места, имеющие низкую популярность или негативную репутацию среди местного населения.

Первой проблемой, возникающей в подобной ситуации, являются случаи, когда рабочие места не соответствуют всем законодательным требованиям или обладают повышенной степенью травмоопасности на отдельных производствах, например строительных площадках. Дополнительным минусом является недобросовестность указанных работодателей, склонных впоследствии нарушать права не только мигрантов, но и граждан собственной страны.

За подтверждением данного утверждения можно обратиться к исследованиям, проведенным в Санкт-Петербурге. В 2006 г. среди проживающих там мигрантов отмечается частое

¹ Миграционная ситуация в государствах – участниках СНГ // Интернет-портал СНГ : сайт. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3717/> (дата обращения: 20.07.2025).

² Миграция населения в 2024 году: потоки ослабевают // Эксперт РА : сайт. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/ (дата обращения: 22.07.2025).

превышение среднего рабочего дня как наиболее распространенная проблема [8, с. 66]. В 2015 г. эти показатели были в пределах 11–12-часового дня для 33,8 % мужчин и 51,3 % женщин и в пределах 8–10 ч для 46,8 % мужчин и 45,9 % женщин [9, с. 11].

Независимыми опросами выявлено отсутствие трудового договора среди трети опрашиваемых лиц. Иными распространенными проблемами, по мнению мигрантов, являются продолжительность рабочего дня, интенсивность и условия труда.

Представленные правонарушения со стороны работодателя носят распространенный характер. Несмотря на систематический контроль со стороны федеральных органов, в частности Федеральной службы по труду и занятости, работодатели продолжают нарушать установленное Конституцией Российской Федерации право мигрантов на осуществление трудовой деятельности в соответствии с законодательными нормами.

Это приводит к пониманию мигрантами бесперспективности своих действий в данном направлении и поиску альтернативных путей заработка, что также может привести к выбору нелегальных источников дохода. Это могут быть как относительно безобидные, неофициальные трудоустройства для получения повышенных выплат (но инициатором правонарушения будет уже не работодатель, а сам мигрант), так и более вредоносные правонарушения, к числу которых относится телефонное мошенничество, подделка документов и иные правонарушения, позволяющие получить максимальную выгоду с минимальным вложением времени и трудозатрат. Данные действия нарушают сразу несколько направлений миграционной политики, установленных Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» – обеспечение качества жизни и безопасности государства¹.

В качестве второй проблемы выделяется сложность интеграции мигрантов в Российскую Федерацию. Российская Федерация является многонациональным государством, где множество народов имеют свои традиции и обычаи, что позволяет найти иные культурные проявления буквально в соседних регионах. Однако такое положение не позволяет мигрантам получить комфортные условия, так как цель прибытия большинства из них – зарабатывание денег. Соответственно, они направляются в регионы и города с самыми высокими заработными платами, такие как Москва, Краснодар или Санкт-Петербург, а с недавних пор – Дальний Восток [10, с. 56].

Мигранты часто сталкиваются с различными трудностями, вызванными особенностями другой культуры и языковым барьером, а также правовыми условиями новой страны.

В Российской Федерации установлена необходимость сдачи экзаменов по русскому языку, истории и на знание законодательства для получения вида на жительство, разрешения на работу или патента. Однако у опрошенных мигрантов отмечаются серьезные сложности в указанных сферах знаний.

Так, исследование на основании данных миграционных центров – членов Ассоциации содействия международной трудовой миграции (г. Санкт-Петербург, 4028 опрошенных, из них 3464 мужчины и 563 женщины в возрасте от 18 до 64 лет, средний возраст 41) показало, что только 6,9 % бегло владеют языком, 21,7 % хорошо понимают язык и письменность, 23,7 % понимают речь и способны поддерживать диалог или написать письмо, 31,7 % опрошенных понимают общий смысл простых фраз и могут поддерживать беседу, 16 % владеют базовым уровнем языка и могут понять медленную речь. Последние два показателя являются неприемлемыми для сдачи экзаменов. В повседневной жизни это вызывает сложности в коммуникации с местным населением, а также приводит к отчужденности и замкнутости мигрантов. Тем самым устанавливается языковой барьер, который мигранты не преодолеваю без необходимости и предпочитают общение с соотечественниками, что создает замкнутый круг [11, с. 80–81].

Третья проблема связана со знанием законодательства. Лишь 38,5 % разбираются в законодательстве на приемлемом уровне: 11,6 % отмечают, что не испытывают сложностей

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 // Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2018. № 45. Ст. 6917.

в понимании законодательства и 26,9 % знают основные законы. Помимо них, 39,9 % отмечают заметные сложности в понимании законодательства, но знают о том, где и с кем можно проконсультироваться о проблемных вопросах. Однако 16,1 % отметили, что почти не осознают допустимые нормы поведения, а 5,4 % указали, что совершенно не способны понимать право без посторонней помощи.

Это указывает на однозначный недостаток в уровне их подготовки и социальной адаптации к жизни в Российской Федерации, несмотря на наличие до недавних пор специальных центров языкового тестирования, которые проводили три упомянутых экзамена от имени 12 университетов и 1 автономной организации, уполномоченных на их проведение. Как показало исследование, требуется дополнительное обучение.

Одновременно необходимо отметить, что языковые центры зачастую недобросовестно подходили к проверке качества знаний мигрантов. Последствием этого стал Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2023 г. № 779¹, исключивший частные организации из перечня организаций, обладавших правом на проведение соответствующих экзаменов с целью повышения контроля прохождения экзаменов.

В дополнение ко всему этому отметим желание людей объединяться по национальному признаку. Ощущение общности и единения перевешивает дискомфорт от пребывания в незнакомой среде или сильно его сглаживает, обеспечивая чувство безопасности и комфорта. Это же приводит к изолированности от нового общества, осложнению интеграции и в случае присутствия в группе лица с ярко выраженным девиантным поведением (относительно нового общества) значительному повышению риска его распространения в замкнутой среде.

В такой ситуации при вступлении в данные сообщества мигранты фактически не могут адаптироваться. Они предпочитают жить замкнутыми небольшими группами с привычным или приближенным к нему распорядком, что является комфортной для них средой. Это приводит к потере ими возможности изучить традиции и моральные установки общества, практиковать язык и расширять культурный кругозор.

Те мигранты, которые не только не желают адаптироваться к новым жизненным обстоятельствам, но и пытаются навязать свои собственные, привычные им порядки, тем самым нарушают права других людей, включая права других мигрантов, установленные законодательством Российской Федерации. Этот вариант, по сравнению с прочими видами девиантного поведения мигрантов, является наиболее социально опасным. Отказ от принятия установленных законов не воспринимается ими как что-то постыдное, так как они продолжают жить в новой среде по своим старым стандартам. Данная ситуация хуже прочих в связи с тем, что правонарушитель подталкивает других людей к аналогичным, противозаконным, действиям.

Отдельного упоминания заслуживает религия. Религия часто выступает в качестве комплекса предписаний, которым руководствуются многие из верующих мигрантов. Само по себе исповедание религии не является правонарушением в Российской Федерации, являющейся светским государством в соответствии с Конституцией, закрепляющей равенство и право исповедания всех религий в ст. 14, и даже общественно поощряется в качестве морально-нравственного ориентира. Но проблема заключается в том, что отдельные мигранты, не обладающие развитым правовым сознанием, не различают или различают с трудом религиозные предписания и светское законодательство России. Правонарушения на религиозной почве разрушают доверие граждан к государственной власти и ее авторитету [12, с. 8].

Это происходит из-за отсутствия осознания негативного характера своих действий, что связано с недостаточной правовой и социокультурной адаптацией. Это может привести к навязыванию своих религиозных взглядов сначала в своих общинах. Позднее при более радикальных взглядах мигранта возможен религиозный экстремизм, а в отдельных случаях –

¹ О признании утратившим силу пункта 13 перечня организаций, осуществляющих образовательную деятельность, проводящих экзамен по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации : приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 августа 2023 г. № 779 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) : сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309200005> (дата обращения: 03.03.2025).

религиозный терроризм, что проистекает из попытки изменения общества под свои взгляды насилиственными методами [13, с. 78].

Все это приводит к эскалации межнациональных конфликтов, вызванных открытым проявлением девиантного поведения, что в свою очередь вызывает сильную негативную реакцию местного населения и развитие конфликтов на национальной почве. Среди людей, ставших жертвой девиантного поведения мигрантов, возникают зачатки национализма в его агрессивной форме, что напрямую противоречит Конституции Российской Федерации.

Согласно рекомендациям по борьбе с девиантным поведением необходима длительная терапия, что не представляется возможным в связи с ранее указанными причинами (закрытостью общества по национальному или религиозному признаку, наличию у его членов девиантного поведения).

Необходимо отметить, что к факторам, оказывающим влияние на миграционную политику, относятся и временные события крупного масштаба, которые уже утратили силу воздействия или продолжают происходить и в настоящее время. В отличие от прочих факторов, они не делятся десятилетиями, максимум несколько лет или месяцев, но вызванные ими последствия носят долгосрочный характер.

Первым таким событием выступают уже упомянутый COVID-19 и изоляция, вызванная эпидемией. Ограничения, связанные с изоляцией при COVID-19, привели к утрате многими мигрантами своих рабочих мест, сделав их социально уязвимой группой людей. При этом работу, согласно частным опросам, потеряли от 18,5 до 55 % мигрантов [14, с. 94].

Данная группа людей столкнулась с несколькими существенными проблемами. Первая из них заключалась в сложности пересечения границы в течение продолжительного периода времени, что ограничивало для них возможность покинуть страну. Лишенные, пусть и временно, данного права, мигранты пытались пересечь границу, используя незаконные пути, создавая временные палаточные лагеря с антисанитарными условиями, или пытались переждать данный период, продолжая жить в Российской Федерации на накопления, полученные в период работы¹.

Данная проблема усугубила вторую – утрату рабочих мест. Многие мигранты работали либо по договору гражданско-правового характера, либо незаконно, не оформляя соответствующие документы и не оплачивая установленные законодательством патенты [15, с. 61]. Тем самым они лишились гарантий при таких ситуациях, как пандемия, когда производства были сильно ограничены и невозможно было реализовать их потенциал полностью, а следовательно, сокращалось количество рабочих мест. Отсутствие дохода и средств к существованию подталкивало мигрантов браться за любую работу, включая незаконную.

В указанных условиях государственный аппарат пошел по пути либерализации миграционного законодательства, значительно смягчив последствия пандемии и применяемых мер для мигрантов [16, с. 14]. Указы Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» и 23 сентября 2020 г. № 580 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации “О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)”» продлили сроки временного пребывания, постановки на учет по месту пребывания, проживания мигрантов, а также иные предусмотренные законодательством сроки в отношении мигрантов². В них

¹ Тысячи узбекских мигрантов собрались в палаточном лагере под Самарой // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/727140> (дата обращения: 03.07.2025).

² О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : указ Президента РФ от 18 апреля 2020 г. № 274 // СЗ РФ. 2020 № 16. Ст. 2573 ; О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» : указ Президента Российской Федерации от 23 сентября 2020 г. № 580 // СЗ РФ. 2020 № 39. Ст. 6020.

также определялись порядок отбытия из страны, временная приостановка использования депортации, административного выдворения из страны, лишение статуса беженца и иные ситуации. Фактически мигранты могли не беспокоиться о вынужденном ограничении части их прав в период пребывания в Российской Федерации, благодаря временному освобождению от части их обязанностей.

Данные указы также использовались в рамках исполнения миграционной политики Российской Федерации. В течение длительного времени она была направлена на обеспечение экономической стабильности Российской Федерации путем использования миграционных ресурсов и стимулирования для привлечения мигрантов к востребованным среди работодателей сферам с большим количеством вакансий. Помимо этого, миграционная политика направлена на уменьшение естественной убыли населения (в идеале – на прирост) с помощью привлечения мигрантов в Российскую Федерацию в качестве новых граждан.

Ситуации, подобные пандемии COVID-19, имеют серьезные последствия при реализации миграционной политики. Так, меры изоляции для предотвращения распространения заболевания, оказывающие влияние на миграционные потоки, были введены не в начале года, а потому большая часть мигрантов уже успела прибыть в Российскую Федерацию. Но иностранные граждане, не успевшие прибыть до наступления карантинных мер, вынуждены были искать иные способы заработка, а следовательно, обращаться к внутренним или иным внешним трудовым рынкам, тем самым лишая Российскую Федерацию потенциальной востребованной рабочей силы, или прибегать к незаконным методам проникновения через границу, что также имеет негативные последствия и вредит обеспечению национальной безопасности.

Также была выявлена неспособность Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России (на тот момент Главного управления по вопросам миграции МВД России) эффективно осуществлять свои обязанности в возникших экстренных условиях. Это выражалось в создании стихийных временных лагерей при ожидании выезда из России после закрытия границ между странами, отсутствии возможности ведения электронного документооборота (указы Президента нивелировали данную необходимость, однако это была временная мера), низком уровне поддержки мигрантов, отсутствии альтернатив МФЦ (временно прекративших предоставлять очные услуги и тем самым сокративших их объем). Но главный фактор, свидетельствующий о несостоятельности данного органа, – отсутствие регламента на случай экстренных ситуаций, что не позволило ввести своевременные меры в отношении мигрантов и их пребывания на территории Российской Федерации.

Помимо этого, была выявлена несостоятельность органов власти, связанных с регулированием миграционных процессов в Российской Федерации. Они не смогли соответствующим образом отреагировать на возникшую кризисную ситуацию и оказались бессильны в решении отдельных вопросов ввиду отсутствия предусмотренных законодательством мер для подобных кризисов. Это показало слабость законодательных мер в подобных условиях, несмотря на уникальность последних из-за масштабов [17, с. 373].

Возникающие сложности приводят к спорам о целесообразности реализации текущей миграционной политики. Все чаще выдвигаются идеи о необходимости смены курса. Так, Д. А. Рузаев в своих утверждениях ссылается на то, что в современных экономических и демографических условиях Российской Федерации нецелесообразно продвижение миграционной политики, поощряющей привлечение мигрантов. Кроме того, он заявляет о создании избыточной конкуренции в целях демпинга цен на рабочую силу при помощи привлечения мигрантов, от чего страдает местное население. Дополнительно ситуация усугубляется повышенными расходами на гарантии социального и медицинского характера, которые работодатели, привлекающие мигрантов, перекладывают на государственный аппарат с целью минимизации расходов для получения сверхприбылей [18, с. 79–81].

С данными тезисами нельзя согласиться. Миграционная политика осуществляется в течение многих лет, однако актуальная информация из официальных источников свидетельствует о результатах, отличных от заявленных.

Так, уровень безработицы в 2020 г., по сведениям Федеральной службы государственной статистики, составил 5,9 %. При этом в 2024 г., как указано в докладе Президента Российской Федерации, он опустился до 2,4 %. В соответствии с мнением бывшего Первого заместителя председателя Правительства РФ А. Р. Белоусова, оптимальным является уровень безработицы в 4 %, обеспечивающий комфортные условия для работодателя, получающего резерв из соискателей, и для работников, способных найти новое рабочее место.

Усложнение реализации миграционной политики из-за таких событий, как пандемия COVID-19 и СВО, оказало воздействие на миграционные потоки в связи с экономическим спадом (и уменьшением количества вакансий для мигрантов) в первом случае и изменением курса валют, а впоследствии и с блокировкой для Российской Федерации системы SWIFT (в результате этого мигранты не могут осуществлять переводы на территорию своей страны) во втором, что влияло на размеры заработных плат мигрантов при конвертации валют. Экономика, приспособленная к определенному числу доступных сотрудников, начала испытывать затруднения с набором подходящего кадрового состава, в связи с этим снизилось качество и скорость реализации концепции развития, что приводит к мысли о необоснованности представленного довода [19, с. 301]. В более радикальном случае отказ от мигрантов можно рассматривать как угрозу национальной безопасности в экономической сфере, что прямо противоречит целям миграционной политики.

Нельзя также согласиться и с тезисом, что на стране отрицательно сказываются расходы на мигрантов. Российская Федерация – это социальное государство, что закреплено в ст. 7 Конституции. Это означает обеспечение достойного уровня жизни человека. Не только граждане страны, но и представители иных государств имеют на это право на ее территории. При этом с мигрантов также взимаются налоги, используемые государственным механизмом для поддержания функционирования своих собственных элементов, в том числе социально-медицинского характера, а потому мигранты не являются бременем для бюджета.

Делая вывод, отметим, что осуществляемые меры реализации миграционной политики на нынешнем уровне воздействия и контроля однозначно недостаточны.

Наиболее слабым структурным элементом, нуждающимся в доработке, являются средства адаптации мигрантов к новым условиям жизни в рамках Российской Федерации. Фактически они отсутствуют на федеральном уровне в необходимом, узком направлении, по сути ограничиваясь общими мерами в рамках миграционной политики и отдельных мероприятий, не обеспечивающих должного уровня и доступности подобных услуг на постоянной основе [20, с. 65].

Возможно внедрение обязательных адаптационных курсов в течение нескольких месяцев, в рамках которых мигрантам будет предоставляться практика русского языка, будут проводиться правовые консультации и историко-культурная ориентация. Введение обязательных курсов адаптации позволит им углубить данные знания, влиться в новое общество и снизить напряженность, одной из причин которой является языковой барьер. В истории России уже известны способы решения аналогичных проблем – обучение в вечерних школах.

В данном варианте обучение предполагается вести среди лиц с базовыми познаниями языка, а потому возможно использование учительского состава, специализирующегося на школьной программе.

Показателями успешности данного проекта выступают:

- 1) число мигрантов, прошедших адаптацию;
- 2) уровень владения русским языком (доля с уровнем В1+);
- 3) снижение числа административных правонарушений среди мигрантов (данные МВД);
- 4) индекс политики интеграции мигрантов (МИРЕХ).

Использование международного сотрудничества позволит решить вопрос эффективного распределения трудовых миграционных ресурсов. Иностранное государство может выступать в качестве посредника по трудуустройству, который в случае конфликтных ситуаций будет представлять интересы мигрантов. Это приведет к росту миграционного потока за счет

гарантий безопасности [21, с. 1666]. Конкретным примером может послужить опыт Филиппин. Они являются, в противовес Российской Федерации, страной-донором мигрантов, 9 % ВВП которой в 2023 г. составляли доходы от переводов в связи с миграционными заработками. Согласно годовому отчету Департамента по делам трудящихся-мигрантов, в рамках своей деятельности Филиппины оказывают правовую, финансовую (в случае чрезвычайных ситуаций), психологическую поддержку, а также помочь при переподготовке или выборе работодателя¹.

Российской альтернативой может стать цифровая платформа для распределения трудовых мигрантов по регионам. Данную функцию частично выполняют квоты, регулирующие миграционные потоки, но в отличие от платформы они не смогут эффективно распределить их в различные регионы и предоставить вакансии. По сути, это будет общероссийская биржа труда для мигрантов.

Показателями эффективности в данном случае будет снижение количества предполагаемых нелегальных мигрантов (со слов В. А. Колокольцева, 11 % в 2025 г.), повышение налоговых поступлений, перераспределение квот по областям и регионам, а также количество мигрантов, трудоустроенных через платформу.

Последним элементом, который возможно ввести для решения поставленных задач, является типовой регламент действий МВД РФ при чрезвычайных ситуациях, разработанный исходя из опыта, полученного в условиях распространения COVID-19.

Критериями будут выступать время практического реагирования на кризисы, отсутствие стихийных лагерей и меры социальной поддержки мигрантов при ЧС.

Таким образом, необходимо совершенствование миграционной политики в области международного сотрудничества для повышения эффективности управления миграционными потоками и их оптимизации как одной из эффективных мер по укреплению национальной безопасности страны.

Список литературы

1. Соколова А. А. Масштабы маятниковой трудовой миграции в регионах России // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 4. С. 52–70. doi: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4) EDN: [PIAZRV](#)
2. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 356–360. doi: [10.26140/anie-2021-1002-0077](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0077) EDN: [MUCCSS](#)
3. Литвинова Ю. И., Обринская Е. Основные направления совершенствования миграционной политики Российской Федерации // Философия права. 2023. № 3 (106). С. 39–46. EDN: [EXQAVS](#)
4. Lee Everett S. A. Theory of Migration // Demography. 1966. Vol. 3 (1). P. 47–57.
5. Дмитриева Т. В. Экономические проблемы международной миграции труда // Молодой ученик. 2020. № 50. С. 98–100. EDN: [NKYCTS](#)
6. Piore M. J. Birds of passage : Migrant labor in industrial societies. London etc. : Cambridge Univ. Press, 1979. 229 с.
7. Тенденции развития миграции в современной России / А. Н. Аверин [и др.] // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6. С. 15–20. doi: [10.24412/2220-2404-2024-6-1](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-1) EDN: [CVWEEK](#)
8. Тюрюканова Е. В. О влиянии миграции на рынок труда // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 56–70.
9. Журавлева И. В., Иванова Л. Ю. Мигранты: социально-экономические условия жизни, влияющие на здоровье, и обращаемость в российские медицинские учреждения (результаты опроса в Санкт-Петербурге) // Социальные аспекты здоровья населения. 2015. № 3 (43). С. 11. EDN: [UBIQBN](#)
10. Коровникова Н. А. Трудовая миграция в регионах Российской Федерации: тенденции, потенциал, перспективы // Социальные новации и социальные науки. 2024. № 1 (14). С. 50–64. doi: [10.31249/snsn/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.03) EDN: [JQZCCW](#)

¹ Annual Report 2023 // Department of Migrant Workers, Republic of the Philippines : website. URL: <https://dmw.gov.ph/annual-report-2023> (дата обращения: 19.07.2025).

11. Демина Е. Н. Ожидаемые трудности трудовых мигрантов как препятствие к их социокультурной адаптации // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 2. С. 79–84. doi: [10.24412/1994-3776-2023-2-79-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-79-84) EDN: **BVDQKK**
12. Мухаметзарипов И. А. Шариат в правовой системе современного светского государства: идеология или необходимость? // Мусульманский мир. 2015. № 3. С. 7–27. EDN: **RVQLDV**
13. Черныш М. А. Религиозный терроризм как угроза мировой и национальной безопасности // Философия права. 2020. № 3 (94). С. 75–82. EDN: **UORLPV**
14. Разин М. В., Караваев Е. С., Струрова Н. А. Особенности миграционной ситуации в РФ в период пандемии COVID-19 // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 11–1. С. 92–95. doi: [10.23672/q9915-2893-8497-e](https://doi.org/10.23672/q9915-2893-8497-e) EDN: **WDJJEB**
15. Зарипов З. С., Марков А. Ю. Влияние миграционных процессов на национальную безопасность Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2 (73). С. 59–61. EDN: **PWIIAL**
16. Рязанцев С. В., Молодикова И. Н., Брагин А. Д. Влияние пандемии COVID-19 на положение мигрантов на рынках труда стран СНГ // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 4. С. 10–38. doi: [10.5922/2079-8555-2020-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2) EDN: **UGQSAQ**
17. Решетникова Ю. М. Миграционная политика в условиях пандемии COVID-19 // Молодой ученик. 2020. № 20. С. 372–374. EDN: **PBWFJ**
18. Рузаев Д. А. Проблемы реализации миграционной политики современной России // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19, № 2. С. 76–90. doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90) EDN: **FVMQND**
19. Купрещенко Н. П., Федотова Е. А. Влияние миграционных процессов на экономику регионов России в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 298–304. doi: [10.24412/2073-0454-2023-1-298-304](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304) EDN: **DYJIEX**
20. Воронина Н. А. Законодательство об адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3 (83). С. 63–82. doi: [10.35750/2071-8284-2019-3-63-82](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82) EDN: **CXILLN**
21. Асеева М. А., Глеба О. В., Ратушняк Г. Я. Некоторые проблемы миграционной политики России в области трудовой миграции // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 1663–1667. EDN: **VQQGSC**

References

1. Sokolova A.A. The scale of pendulum labour migration in Russian regions. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2023;27(4):52–70. (In Russ.). doi: [10.15838/ptd.2023.4.126.4](https://doi.org/10.15838/ptd.2023.4.126.4)
2. Troyanskaya M.A. Population migration: concept, types and significance for territories. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Research focus: economics and management*. 2021;10(2):356–360. (In Russ.). doi: [10.26140/anie-2021-1002-0077](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1002-0077)
3. Litvinova Yu.I., Obrinskaya E. Key areas for improving the migration policy of the Russian Federation. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2023;(3):39–46. (In Russ.)
4. Lee Everett S.A. Theory of Migration. *Demography*. 1966;3(1):47–57.
5. Dmitrieva T.V. Economic problems of international labour migration. *Molodoy uchenyy = Young researcher*. 2020;(50):98–100. (In Russ.)
6. Piore M.J. *Birds of passage: Migrant labor in industrial societies*. London etc.: Cambridge Univ. press, 1979:229.
7. Averin A.N. et al. Trends in migration development in modern Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2024;(6):15–20. (In Russ.). doi: [10.24412/2220-2404-2024-6-1](https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-1)
8. Tyuryukanova E.V. On the impact of migration on the labor market. *Otechestvennye zapiski = Notes of the Fatherland*. 2007;(4):56–70. (In Russ.)
9. Zhuravleva I.V., Ivanova L.Yu. Migrants: socio-economic living conditions affecting health and access to Russian medical institutions (results of a survey in St. Petersburg). *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya = Social aspects of population health*. 2015;(3):11. (In Russ.)
10. Korovnikova N.A. Labor migration in the regions of the Russian Federation: trends, potential, prospects. *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki = Social innovations and social sciences*. 2024;(1):50–64. (In Russ.). doi: [10.31249/snsn/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/snsn/2024.01.03)

11. Demina E.N. Expected difficulties of labor migrants as an obstacle to their socio-cultural adaptation. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy = Telescope: journal of sociological and marketing research.* 2023;(2):79–84. (In Russ.). doi: [10.24412/1994-3776-2023-2-79-84](https://doi.org/10.24412/1994-3776-2023-2-79-84)
12. Mukhametzaripov I.A. Sharia in the legal system of a modern secular state: ideology or necessity? *Musul'manskiy mir = Muslim world.* 2015;(3):7–27. (In Russ.)
13. Chernysh M.A. Religious terrorism as a threat to global and national security. *Filosofiya prava = Philosophy of law.* 2020;(3):75–82. (In Russ.)
14. Razin M.V., Karavaev E.S., Sturova N.A. Peculiarities of the migration situation in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences.* 2020;(11–1):92–95. (In Russ.). doi: [10.23672/q9915-2893-8497-e](https://doi.org/10.23672/q9915-2893-8497-e)
15. Zaripov Z.S., Markov A.Yu. The impact of migration processes on the national security of the Russian Federation. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: crime and punishment.* 2011;(2):59–61. (In Russ.)
16. Ryazantsev S.V., Molodikova I.N., Bragin A.D. The impact of the COVID-19 pandemic on the position of migrants in the labor markets of CIS countries. *Baltiyskiy region = Baltic region.* 2020;12(4):10–38. (In Russ.). doi: [10.5922/2079-8555-2020-4-2](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2020-4-2)
17. Reshetnikova Yu.M. Migration policy in the context of the COVID-19 pandemic. *Molodoy uchenyy = Young researcher.* 2020;(20):372–374. (In Russ.)
18. Ruzaev D.A. Problems of implementing migration policy in modern Russia. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian bulletin of social sciences.* 2024;19(2):76–90. (In Russ.). doi: [10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2024-19-2-76-90)
19. Kupreshchenko N.P., Fedotova E.A. The impact of migration processes on the economy of Russian regions in modern conditions. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2023;(1):298–304. (In Russ.). doi: [10.24412/2073-0454-2023-1-298-304](https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-1-298-304)
20. Voronina N.A. Legislation on adaptation and integration of migrants in the Russian Federation: development trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2019;(3):63–82. (In Russ.). doi: [10.35750/2071-8284-2019-3-63-82](https://doi.org/10.35750/2071-8284-2019-3-63-82)
21. Aseeva M.A., Gleba O.V., Ratushnyak G.Ya. Some problems of Russian migration policy in the field of labour migration. *Finansovaya ekonomika = Financial economics.* 2018;(6):1663–1667. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

М. Г. Егорчев – аспирант, Пензенский государственный университет, 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3584-0413>

M.G. Egorchev – Postgraduate student, Penza State University, 40 Krasnaya street, Penza, 440026. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3584-0413>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 28.04.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 27.07.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025